

А. Ополовников

Русь деревянная
Образы русского деревянного зодчества

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 7.02
ББК 85
А11

А11 **А. Ополовников**
Русь деревянная: Образы русского деревянного зодчества / А. Ополовников – М.: Книга по Требованию, 2023. – 200 с.

ISBN 978-5-458-27738-9

Русь деревянная... О ней расскажет эта книга. О старой, исчезнувшей Руси, бывшей когда-то сплошь деревянной. О русской народной архитектуре, о ее уникальных памятниках. О драгоценном наследии минувших веков и о безвестных зодчих, воздвигавших удивительные здания. В этих памятниках частица славы наших предков, гордиться которой, по словам Пушкина, «не только можно, но и должно. Не уважать оной есть постыдное малодушие».

ISBN 978-5-458-27738-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

преломились вековые, исконные традиции русской архитектуры. В героических былинах, песнях и сказках сохранилось очень яркое и полнокровное представление о древней «деревянной Руси» — той реальной исторической среде, в которой живут и действуют их герои.

Сегодня наша страна — это гигантская строительная площадка, на которой народ возводит здание прекрасного будущего. Возникают новые города, меняется облик сел, течение рек преграждают плотины электростанций, растут заводы и фабрики, а с космодромов взмывают ввысь звездные корабли.

В нашем настоящем ясно видна завязь грядущего, но корни его уходят в прошлое. На каждом шагу и в каждое мгновение воедино сплетаются «вчера», «сегодня» и «завтра» нашей Родины.

Поэтому книга о прошлом — это и рассказ о настоящем, о народе, чей творческий гений бессмертен.

С замечательной силой и полнотой воплотился в деревянном зодчестве характер русского народа, его талант и могучий творческий дух, многовековой архитектурно-строительный опыт и высокоразвитое чувство красоты. Народ, давший миру «Слово о полку Игореве», бессмертные творения Андрея Рублева и Александра Иванова, Александра Пушкина и Льва Толстого, Михаила Глинки и Сергея Рахманинова, создавший церковь Покрова на Нерли и Дмитриевский собор во Владимире, Адмиралтейство и собор Василия Блаженного, сумел архитектуру сельской церкви и крестьянской избы поднять до уровня мировых шедевров.

Чудо?

Да, это чудо, потому что чудесна сама природа художественного творчества, безгранична одаренность народа, пробившаяся сквозь века угнетения, горя и нужды. В лирических песнях о женской доле и героических былинах о непобедимых богатырях, в бесхитростных дымковских игрушках и поразительных иконах Георгия Победоносца на вздыбленном белом коне народ выражал неодолимую волю к счастью, свободе и миру, в котором люди будут жить и творить по законам добра и красоты.

И эта мечта, слившаяся с твердой уверенностью в своих силах, воодушевляла строителей Московского Кремля, Успенской церкви в Кондопоге, ансамбля Кижского погоста, десятков и сотен других памятников древнего русского зодчества.

Не случайно Гоголь писал, что «архитектура — та же летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни и предания».

Вся наша жизнь связана с архитектурой, она объемлет буквально все стороны деятельности человека, создает ту среду, в которой протекает его бытие — труд, культура, быт.

Дом, в котором мы живем, будь то многоэтажная громада или сельская изба, завод, на котором мы работаем, плотина электростанции или универмаг, аэропорт, театр или стадион — это все архитектура в широком смысле слова, архитектура, созданная прежде всего для удовлетворения наших многообразных практических, или, как говорят, утилитарных, потребностей. Уже это одно в очень сильной степени отличает ее от других видов искусства.

Архитектура — это всегда и строительство, и потому она находится в прямой зависимости от уровня развития техники и производительных сил. Так, например, изобретение железобетона, широкое применение стекла, алюминия, пластика, как строительных материалов, коренным образом изменили характер архитектуры нашего столетия.

Но если бы архитектура была только техникой, она не была бы искусством, одной из форм общественного сознания. В образах архитектуры всегда заложено большое идейно-художественное содержание. Не всегда прямо, но и косвенно, опосредствованно, памятники архитектуры — Зимний дворец или крестьянская изба где-нибудь в Заонежье, Новгородский кремль или станция Московского метрополитена, Дворец съездов или шатровая церковь XVI века в Коломенском — отражают идеи, эстетическое сознание своего времени, наконец, социальное, классовое содержание той или иной исторической эпохи.

В лучших памятниках зодчества заложен идейный и эстетический заряд громадной действенной силы.

Надо только учиться видеть архитектуру, учиться ее понимать и чувствовать.

Архитектура — летопись мира. Но она говорит лишь тому, кто хочет и умеет ее слушать, в ком живет чувство прекрасного, кто знает и любит культуру родного народа и по праву гордится ее прошлым и настоящим.

Памятники зодчества называют «каменными страницами истории». С полным правом можно добавить — и «деревянными».

Но далеко не все старинные постройки, выполненные из дерева, можно отнести к памятникам народного деревянного зодчества. Дерево — это всего

лишь материал. Материал искусства. А истинное искусство в данном случае — это народное зодчество, а не все деревянные здания. Например, дома из кирпича нельзя отнести просто к «кирпичной» архитектуре. Сколько различных стилей, особенностей, направлений можно выявить в их многообразных архитектурных формах! Так и в деревянных постройках. Ведь как различны между собой шатровый храм в Кондопоге, гуцульская церковь на Буковине и дворец в Останкине! Каждая из этих построек — памятник архитектуры. Но из них только церковь в Кондопоге — памятник русского народного деревянного зодчества.

В конце XVIII и особенно в XIX веке было построено немало деревянных зданий, почти полностью повторяющих формы каменной архитектуры. Дерево как строительный материал было дешевле, его было много. Снаружи такие постройки обычно обшивались тесом и красились краской, в городах нередко оштукатуривались, да так, что и не сразу разберешь, каменное или деревянное здание. Таких домов, особенно жилых, было множество в русских городах. В основном это были дворянские или купеческие особняки. Архитектура их, бесспорно, своеобразна и интересна. Но это так называемая стилевая архитектура: барокко, классицизм, ампири и пр. Только материал исполнения не камень, а дерево. Лишь в этом разница. А в народном деревянном зодчестве дерево выступает совсем в ином качестве. Слитность технического, конструктивного назначения и архитектурно-художественного звучания строительного материала — дерева — буквально во всем. Она и в правдивой, бесхитростной красоте самого дерева, в его натуральном, ничем не приукрашенном виде и в контрастных сочетаниях по-разному обработанных поверхностей частей здания и его деталей. Она и в холодных, серебристых оттенках ели, и в теплом, золотистом цвете сосны с ее живым, никогда не повторяющимся рисунком янтарной сердцевины, и в светлой оболони с ее неторопливым чередованием темных мутовок и муаровыми переливами просвечивающих волокон. Она же в способности гладких плоскостей (поставленных под углом друг к другу) по-разному отражать свет, давая богатую игру световых бликов. Это же единство можно видеть и в резьбе несущих столбов, насыщенной контрастами крупных упругих линий и мелких ритмичных узоров, и в мерцающих отблесках оконных косяков и чешуйчатых кровель, в скульптурной пластике любой детали, сделанной рукой большого мастера одним только топором, и в разнообразном сочетании всевозможных оттенков, которыми так богаты произведения народного деревянного зодчества.

Деревянное зодчество — это прежде всего зодчество народное, созданное его трудом и гением. Зодчество демократическое по своей природе, национальное по форме и реалистическое по творческому методу. В нем отражена художественная и строительная культура многих поколений наших предков. Культура яркая, самобытная, воплотившая в себе величие и дух создавшего ее народа, и в то же время общечеловеческая, одарившая мир шедеврами архитектуры непреходящей художественной ценности.

КРАЙ СЕВЕРНЫЙ, ЛЕСНОЙ

Россия — страна лесная.

Испокон веков русский человек селился в лесистых местах, по берегам рек и озер. По степи рыскали кочевники — печенеги, половцы, а позднее монголо-татарские орды. Лесные чащи бережно укрывали жителей, давали им приют, кров, пищу. Из дерева русский крестьянин рубил себе избу, возводил города и села, обносил крепости мощными стенами и башнями, строил церкви, мастерил почти все, что было ему нужно в быту, — от сохи до ложки. В лесу он бил зверя и птицу, добывал «пушной товар» и смолу, воск и дикий мед. Накрепко, навсегда сроднился с лесом, и жизнь свою он не мыслил без «дубравы чистой».

Давным-давно, еще до киевского князя Владимира, принявшего христианство, славянские племена строили из дерева островерхие языческие храмы, сторожевые башни городищ, просторные жилища. Первые православные храмы тоже были деревянные: в летописи, например, говорится про дере-

вянный Софийский собор в Новгороде о «тринадцати верхах», сооруженный в начале XI века. А в XVII веке в Коломенском, под Москвой, для царя Алексея Михайловича построили грандиозные деревянные хоромы со множеством теремов, светлиц, переходов, крылец, резных украшений. Недаром этот удивительный ансамбль называли «восьмым чудом света».

Собственно, когда-то вся Русь была деревянной. От Белого и до Черного моря, от Карпат и до Амура, по городам и весям Киевской, Новгородской, Московской и «всех других» Руси возводились деревянные соборы и дворцы, хоромы и монастыри, остроги и крепости, избы и амбары, мельницы и мосты. Многие из них, по свидетельствам летописцев и путешественников, отличались необычайной красотой и высоким художественным совершенством. От одной деревни к другой, от города к городу шли артели плотников с топорами за поясом. Их трудами, их руками, наконец, их талантами воздвигались чудесные произведения архитектурного искусства.

Имена строителей неизвестны: ведь эти здания строили не бояре и воеводы, не заезжие мастера, а простые «смерды», мужики, сменявшие топор на соху, а в случае нужды — соху на боевой меч. Строил народ — тот, кто всегда жил на своей земле, орошал ее потом и кровью, пахал и оборонял ее, слагал о ней песни и былины, украшал «великими и чудными» строениями.

Но дерево, как известно, материал не столь долговечный, как камень и кирпич. Дожди и снега, зной и ветры, наводнения, молнии и особенно пожары, столь частые в старых русских городах и селах, войны, междоусобицы, нашествия и нападения врагов сделали свое дело: едва ли не на всей территории России, за исключением некоторых отдаленных ее краев, почти не осталось произведений древнего деревянного зодчества. Большинство сохранившихся до наших дней памятников относится к XVII—XIX столетиям. Строительная техника непрерывно развивалась, и все чаще в города звали не плотников, а каменщиков.

До нашего времени дошло сравнительно немного старинных образцов народной деревянной архитектуры; большинство из них в Поволжье, на Урале, в Сибири, но главным образом — на Севере.

Русский Север — это громадный, единственный в своем роде заповедник народного деревянного зодчества. В Карельской и Коми автономных республиках, северных областях Российской Федерации — Архангельской, Вологодской, Костромской, Кировской и некоторых других — до наших

дней сохранились замечательные памятники народного творчества, воссоздающие в своей совокупности яркую картину древнерусской архитектуры.

В XIX веке это была отсталая, тихая провинция, глухая окраина Российской империи. Это был, как говорили, «край непуганых птиц», куда ссылали провинившихся монахов и «политических преступников». Север стоял тогда в стороне от главных путей политического, культурного и хозяйственного развития государства.

Из этого раньше некоторые ученые делали вывод, что так было всегда и что именно эта оторванность от жизни и явилась предпосылкой расцвета народного творчества. Нет, народное искусство, как всякое большое, настоящее искусство, не может развиваться вне живого, полнокровного бытия, в отрешенности от «суеты мирской», в обстановке идиллической тишины и безмятежности. Только реальная жизнь, история с ее водоворотом противоречий и горячих страстей, с борьбой, победами и поражениями, может явиться той плодотворной почвой, на которой взрастает древо народного творчества.

Многие века северные крестьяне жили одной жизнью со всем русским народом. Что же касается XIX века, когда Север оказался на обочине столбовой дороги русской истории, то к тому времени все лучшее в народном деревянном зодчестве было уже создано; XIX столетие немного прибавило к нему. Экономическое и культурно-политическое отставание северного края в это время имело лишь то значение, что древнерусская деревянная архитектура, почти исчезнувшая на остальной территории России, сравнительно хорошо сохранилась в тиши заштатных городков и далеких деревень на онежских островах и шхерах, в поселках архангельских поморов, в вятских и вологодских лесах.

Расцвет народного деревянного зодчества на Севере России объясняется, таким образом, вовсе не каким-то изолированным положением Севера, а, напротив, причинами, общими для всей страны. Но были и особые местные условия, способствовавшие возникновению и сохранению здесь уникальных, драгоценнейших памятников народного деревянного зодчества.

Лавина монголо-татарского нашествия, обрушившаяся на Русь, миновала Север. Конница Чингисхана и Батыя не топтала эти земли, и в тяжкие годы испытаний, выпавших на долю народа, здесь не затухал огонь русской государственности и национальной культуры. В то время когда

развитие русской культуры, преемственность ее исконных традиций, восходящих к Киевской Руси, если не прерывались, то, во всяком случае, искажались и тормозились, на Севере эти традиции сохранялись в своей первоизданной чистоте. Не случайно перед изумленными учеными, устремившимися в XIX веке в Заонежье, предстал народ, свято хранивший не только древний язык, обычаи и обряды, но и многие предания далекой старины, давным-давно забытые в других местах России. Ведь знаменитые русские былины Владимирского цикла, родившиеся в Киевской Руси, были записаны не в Киеве и не в Центральной России, а за сотни верст от Днепра, в глухих заонежских деревнях. Именно Заонежью, волей исторических судеб ставшему хранилищем русского народного творчества, более всего обязана наша фольклористика. Здесь жили такие широкоизвестные сказители, как династия Рябининых, из поколения в поколение передававших свой редкостный талант, Василий Щеголенок, прославленная воплеица Ирина Федосова и многие другие. Эта же ярко выраженная преемственность, упорная, можно сказать — истовая, приверженность к образам и формам древнерусской культуры сказывается и в северном деревянном зодчестве.

Русский Север — край сильных и мужественных людей, крестьян и рыбаков-поморов, охотников и лесорубов, плотников и поэтов. Закаленные в постоянной, непрерывной борьбе с суровой природой, они никогда не гнули спины перед чужими и своими угнетателями. Здесь, на Севере, никогда не было крепостного права в его законченной форме. Крестьяне платили подати, несли тяжелые «казенные» повинности, но барщины здесь не было.

Страшное проклятие крепостничества, уродовавшее человека, лишь затронуло, но не придавило северные районы страны, где распространилась так называемая черносотная форма феодальной зависимости. Это еще более укрепило и сохранило в северянах вечно живой дух вольнолюбия, горделивое сознание своей независимости, утвердившиеся еще с тех времен, когда эти земли входили в состав Новгородского княжества. «Дух новгородского веча, — писал один ученый, — в XV и XVI веках веял в Обонежских обителях».

Сюда, на Север, со всех концов России в XVII веке бежали сотни раскольников, стоявших за старую, «искоиную» веру. Немало фаиатиков шли в дальнюю ссылку, тюремные остроги и даже на костер; еще больше скрывалось в отдаленные уголки страны — глухие леса Заонежья, По-

волжья, Урала, Сибири. Там возникало множество скитов и поселений старообрядцев, не желавших покориться деспотизму самодержца, всемогущего патриарха Никона. Церковная реформа Никона, осуществленная им в середине XVII века, расколола верующих на два непримиримых, враждующих лагеря. Править службы по старым славянским книгам или по греческим, византийским образцам, креститься двумя перстами, как в старину, или тремя, троекратно провозглашать «аллилуйю» или нет — на этом скрещивались мечи и проливалась кровь. Но за этими чисто религиозными, далекими от реальной жизни вопросами стояли самые земные дела, «большая» политика самодержавия. Церковная реформа Никона должна была поддерживать неограниченную власть царя и помещиков, завершить процесс закрепощения крестьянства, поднять авторитет официальной церкви как важнейшей идеологической опоры царизма. И если бояре и богатые купцы-раскольники видели в церковной реформе попытку царя и дворянства урезать их древние права, то простой народ шел на муки и страдания во имя иных целей. Не только «никонианскую ересь» и «дьявольское троеперстие» утверждала церковная реформа, но крепостничество, тяжелый, непосильный гнет, бесправие, социальную несправедливость.

В церковном расколе за плотной завесой богословских споров зрели гроздя гнева и разгорался незатухающий огонь классового, антифеодального протеста народа.

Северные области, куда не всегда достигала власть церкви и царских канцелярий, более двух веков были основной цитаделью строптивых раскольников.

Все это, конечно, сказалось на особенностях северного зодчества, развившего языком и средствами архитектуры характер создавшего его свободолюбивого народа.

Нет, не безмятежной провинциальной идиллией была история русского Севера. От Белого моря и балтийских берегов к Москве, Новгороду и дальше, на юг, запад и восток, тянулись торговые пути, проложенные еще во времена Великого Новгорода. Пушину, рыбу, соль, смолу и многие другие товары, известные далеко за рубежами Руси, поставляли ей главным образом северные края. Особенно оживилась торговля и хозяйственная деятельность в XVIII веке; вслед за купцами на Олонецкие и Архангельские земли пришли промышленники. В бурную эпоху Петра I здесь возникали металлургические и оружейные заводы, каменоломни и судостроительные верфи.

Яркую, живописную картину жизни тех лет нарисовал в своей исторической поэме «Карелия» поэт-декабрист Федор Глинка:

Над Выгом зарево горит!
То, знать, пожар?.. Иль блеск зарницы?..
Подъедем блнже — всё шумит.
Там плавят медь, варганят крицы;
И горен день и ночь кипит;
И мех вздувает надувальный;
И, раз под раз подьемаясь в лад,
Стучит и бьет за млатом млат
По ребрам звонкой наковальни...
Там много их... То кузнецы,
Потомки белоглазой Чуди.

Российскому государству, уверенно набравшему силы, утверждавшему свое значение крупной европейской державы, нужны были лес и железо, пушки и корабли. Нужны были и сильные, умелые и умные мастера. Многие здания Санкт-Петербурга возводились руками онежских плотников; каменщиков поставляли в основном Новгород и Псков.

В XVIII веке настало в этих городах время мира и безопасности. А до этого — начиная с далекой поры княжения Александра Невского — северяне не выпускали из рук боевого оружия. На протяжении столетий весь Север был гигантским форпостом России против иноземных захватчиков, ареной длительной и упорной борьбы за морские рубежи. От Соловков до Костромы, от Архангельска до Вологды тянулась сплошная цепь городов-острогов, городов-крепостей, укрепленных посадов и погостов. Сторожевые башни и крепостные стены стали такой же неотъемлемой частью северного пейзажа, как леса и озера, реки и валуны. Оборонные сооружения, исполненные для северян глубокого смысла, оказали свое влияние на их художественные вкусы и идеалы.

Этот образный лад — суровый и героический — укоренился во всем народном зодчестве и стал одной из его самых типических и ярких особенностей. Силуэты величественных деревянных церквей и звонниц, возвышающихся где-нибудь в Кеми или Кóле, Кондопоге или Кулиге, невольно вызывают в памяти образы былинных богатырей, стоящих в неусыпном дозоре вдоль всей северной границы Древней Руси.

Можно было бы привести немало и других причин, обусловивших характер и расцвет деревянной архитектуры Севера. Но существует еще